ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК ВКП(б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП(б)

63-9
83

НОВАЯ ЖИЗНЬ

ПЕРВАЯ ЛЕГАЛЬНАЯ С.-Д. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ГАЗЕТА

27 ОКТЯБРЯ—3 ДЕКАБРЯ

1905 г.

ВЫПУСК
IV

«ПРИБОЙ» ЛЕНИНГРАД

ОГЛАВЛЕНИЕ.

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 22.

	Стр.
С.-Петербург. Россия и Европа. *Г. Алексинский*	1
Социалистическая партия и беспартийная революционность. *Н. Ленин*	2
Русская печать	3
Вопросы дня	5
Фабричные работницы. *Б. Н-ов*	6
Телеграммы	7
Москва	8
В Исполнительном Комитете Совета Рабочих Депутатов	10
Железнодорожная забастовка	—
В армии	11
Почтово-телеграфная забастовка	—
Хроника	12
В учебных заведениях	13
Из партийной жизни	14
Профессиональные союзы	15
Из жизни рабочих	17
Письма в редакцию	18
Театр и музыка	19
Финляндия	—
Областной отдел	20

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 23.

С.-Петербург. Социальная революция. *А. Луначарский*	23
Русская печать	25
По поводу. *М. Горький*	26
Вопросы дня	27
Прошлое офицера. *Офицер*	30
Телеграммы	31
Хроника	32
От бюро союза рабочих печатного дела	33
Совет Рабочих Депутатов и черная сотня	—
Железнодорожная забастовка	—
В армии	—
Из партийной жизни	—
Профессиональные союзы	36
Из жизни рабочих	37
Письма в редакцию	38
Театр и музыка	39
Иностранный отдел	—
Польша и Литва	—
Областной отдел	40

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 24.

С.-Петербург. Реакционные покушения. *П. Румянцев*	43
Русская печать	45
Из истории феодального класса. *И. Степанов*	46
Вопросы дня	48
Телеграммы	50
Москва	51
Протест представителей 9 газет	52
Хроника	—
В армии	54
Профессиональные союзы	55
Из партийной жизни	—
Из жизни рабочих	58
Письма в редакцию	59
Иностранный отдел	60
Польша и Литва	62
Областной отдел	—

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 25.

С.-Петербург. Профессиональное движение и социализм. *Ю. Адамович*	65
Русская печать	66
Формула. *Осип Дымов*	—
Вопросы дня	68
Телеграммы	71
Москва	72
В Совете Рабочих Депутатов	73
К общепартийному съезду. *Г. Алексинский*	—
Хроника	74
В учебных заведениях	76
В армии	—
Из партийной жизни	77
Профессиональные союзы	78
Из жизни рабочих	80
Иностранный отдел	81
Финляндия	82
Областной отдел	83

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 26.

С.-Петербург. Капитализм и социализм. *А. Луначарский*	87
Барцелонская всеобщая стачка. *В. Тотомианц*	88
Русская печать	90
Вопросы дня	92
По этапу. Картина недавнего прошлого. *Г. Яшнов*	—
Москва	94
Телеграммы	97
В заседании Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов	98
От редакции	99
Из партийной жизни	—
В армии	101
В учебных заведениях	102
Хроника	—
К почтово-телеграфной забастовке	105
В примирительной камере	—
В обществе судоходства	—
В женском благотворительном обществе	—
Польский социалистический митинг P. P. S.	106
„Наука“ на службе у с.-р-ов	—
Профессиональные союзы	—
Из жизни рабочих	109
Письма в редакцию	113
Иностранный отдел	115
Финляндия	117
Областной отдел	—
Судебная хроника	120

ОГЛАВЛЕНИЕ

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 27.

	Стр.
Манифест	123
С.-Петербург. Государственная Дума в Прибалтийском крае. *Г. Алексинский.*	124
Социалистическая партия и беспартийная революционность. *Н. Ленин.*	125
Русская печать	127
Вопросы дня	128
В устойчивости сила. *П. Ларионов.*	130
От редакции	131
Телеграммы	—
Москва	133
К созыву IV с'езда Р. С.-Д. Р. П.	134
К забастовке почтово-телеграфных служащих	—
Городское самоуправление. *W.*	135
К аресту Хрусталева	136
Хроника	—
В армии	137
Профессиональные союзы	—
Из партийной жизни	138
Из жизни рабочих	139
Письма в редакцию	140
Иностранный отдел	140
Областной отдел	141
Судебная хроника	143

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 28.

	Стр.
С.-Петербург. Социализм и религия. *Н. Ленин.*	146
Русская печать	147
Вопросы дня	149
Очередной с'езд или об'единительный. *Сталь.*	150
Телеграммы	151
Москва	152
Хроника	153
Театр и музыка	155
„Капитал" против правового порядка	—
От Совета Рабочих Депутатов к солдатам	156
В армии	—
Письма в редакцию	157
Профессиональные союзы	—
К забастовке почтово-телеграфных служащих	158
Из жизни рабочих	—
Иностранный отдел	159
Финляндия	161
Областной отдел	—

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 165

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ 177

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 27 НОЯБРЯ (10 декабря) 1905 г.

№ 23

ГОД ПЕРВЫЙ. С.-ПЕТЕРБУРГ.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

26 ноября, в 12 час. дня, помещение Совета Рабочих Депутатов было окружено войсками, и в 5 час. арестован председатель Совета, товарищ Хрусталев-Носарь.

С.-Петербург.

27 ноября 1905 г.

Социальная революция.

Революционный энтузиазм — прекрасная вещь, и способствовать его росту — прямая обязанность всякого революционера. Однако — даже такое священное чувство имеет свои дурные стороны, потому что ничего абсолютного нет на свете. Социал-демократия встречает в революционном энтузиазме не только могучего союзника, но иногда и препятствие к проведению в массы строгой, не всегда льстящей желаниям нашего сердца истины.

Чистым представителям революционного энтузиазма или революционной фразы выпадает на долю легкое дело. Приятно бросать в разгоряченную толпу непосредственно или через газету огненные призывы и все обещать, обещать, не обинуясь: „Будет вам и свобода, будет и равенство и братство и всеобщее счастье, все вам союзники, весь трудящийся люд встанет заодно и приведет к торжеству социализма и в деревнях и городах". Приятно говорить так, дав волю безбрежному энтузиазму, приятно и слушать, чувствуя себя окруженным золотым туманом надежд и предвкушений. Но нет ничего вреднее хотя бы и самого благородного, но некритического пафоса. Птицы сирены, которые, когда поют, сами себя забывают, могут оказаться помимо своего желания отвратителями бодрости революционной мысли.

Соц.-дем. — прежде всего представитель революционной мысли. Для нее грядущее зависит не от преходящих настроений толпы, какой бы серебряной пеной, какими бы кипящими брызгами ни играло оно, а от столкновения общественных сил, удельный вес которых определяется прежде всего и главнее всего степенью экономического развития страны и вообще цивилизованного мира. Часто соц.-дем. приходится играть роль каркающего ворона. Приятно ли разным „с боку припекам", временно увлеченным могучим потоком пролетарского движения, и разным демократам „тоже - социалистам" слышать, как против них предостерегают рабочий класс, как их газеты порочат как возможных, вероятных изменников? Приятно ли рабочему, еще чувствующему себя наполовину собственником и крестьянином (а таких много), слышать резкую характеристику крестьян как прекрасных союзников в деле борьбы за демократический строй, но несомненных недругов (в значительной своей части) истинному социализму?

Одним хотелось бы заразить пролетария своей суб'ективностью, впрочем искренней и восторженной любовью к свободе; им хотелось бы, чтобы пролетарий поверил в ее самоуверенность, в то, что она наивысшее благо на земле, в то, что все, стремящиеся к полной свободе, естественно братья. Но является соц.-дем., и краски царства тускнеют, а свобода, политическая свобода уже не кажется рабочему вратами рая, а только необходимым оружием для дальнейшей борьбы. Свобода оказывается лишь первой станцией, за которой тянется еще тернистая дорога, предстоит упорная и страшная борьба.

Другие восторженно уверяют, что, раз завоевав свободу, социализм завоевать уже будет легко, так как „весь трудящийся люд" несомненно проникнется его идеалами. Но это грандиозное и могучее целое, этот стомиллионный русский трудящийся люд, при прикосновении соц.-демократической критики, распадается на свои элементы, и перед лицом своей огромной и святой задачи пролетарий видит себя одиноким: дело твоего освобождения, дело освобождения всего мира может быть лишь делом твоих пролетарских рук.

Не на почве этого скептицизма, этого критически-холодного анализа соц.-демократия строит свой тем более могучий призыв: пролетарии, организуйтесь! В единении ваша сила, в единении именно пролетариев между собою! А в классовом одиночестве, выясненном рабочему соц.-демократией, она утешает его, показывая ему многочисленную семью его братьев пролетариев других национальностей.

Когда революции еще не было налицо, когда соц.-демократия лишь самоотверженно подготовляла ее и горячо ожидала, она твердила: сначала, как предтеча настоящей, социальной революции, придет в России политическое освобождение страны, которое выдвинет на первое место буржуазию; в этом перевороте роль главной революционной силы сыграет пролетариат, но он ограничится завоеванием свободы и в промежуток, отле-

ляющий торжество свободного капитала от его гибели, займется постепенно со всей энергией делом организации своих сил.

Крикливые анархисты вопили о том, что социал-демократия, таким образом, сознательно отдает пролетариат на службу буржуазии. Прекраснодушные „эс-эры", пожимая плечами, негодовали на недоверие к крестьянскому богатырю, который произвольно, единым взмахом осуществит царствие божие на земле. Но социал-демократия держалась своей научной точки зрения. Она строжайше различала оба момента. Она учила, что было бы страшным грехом допустить в рабочих массах веру в то, что армия политического освобождения, состоящая не только из пролетариата, но также из мелкой и средней буржуазии, захочет и сможет осуществить идеалы, присущие лишь рабочему классу. Идеализировать буржуазную революцию значит способствовать распущению пролетариата во всенародной армии политического освобождения. Нет, пролетарии, по учению социал-демократии, должны были памятовать, что они, будучи одним из батальонов этой армии, являются единственной армией социализма, и что, завоевав свободу, они должны будут продолжать работать над усилением этой части пролетарской армии.

Социал-демократия считала не меньшим грехом допустить в рабочих равнодушие к политической буржуазной революции, она боролась с ядом анархизма, в каком бы виде ни вливался он в уши рабочих, потому что свобода есть необходимая для дальнейшей борьбы предпосылка, а не борясь за нее, пролетариат никогда не добился бы сколько-нибудь широкой свободы.

Но революция разразилась. Гадаемое будущее стало реальной действительностью. На мгновенье некоторые социал-демократы, главным образом давно оторванные от России эмигранты, не оценивали сразу всего ее размаха: они слишком просто и теоретично приложили прежнее принципиально совершенно верное положение к действительности. Буржуазия идет к власти и достигнет ее; пока она идет к ней, пролетариат должен поддерживать и подталкивать ее, когда она займет власть — пролетариат поведет против нее правильную осаду, как партия крайней оппозиции.

Но на деле выяснилось, что буржуазия боится сколько-нибудь широкой демократической свободы, что она с первых шагов трусит, изменяет, колеблется, лицемерит, что она еще менее способна на настоящую, жестокую, беспощадную борьбу с беспощадно жестокой реакцией, чем Ламартины и Кампгаузены, что свобода может быть завоевана и гарантирована только низами демократии, встряхнуть, поднять, организовать которые способен лишь пролетариат. Не будучи еще социальной, русская революция сразу почти стала по преимуществу пролетарской. Первый этап — свободу — русскому народу придется завоевать под командой сознательного пролетариата.

Эту необходимость для сознательного пролетариата взять в свои руки фактическое руководство революцией, фактическую революционную власть сначала не все поняли. Но, присмотревшись к жизни, и менее решительные стали быстро приближаться к вышеизложенной точке зрения.

Но что же теперь? Если пролетариат, сорганизовавшись в процессе революции, добьется власти — выпустит ли он ее из рук? Не будет ли последний решительный удар против политического гнета первым ударом против капитала? Не приступит ли победоносный пролетариат немедленно к ряду реформ, выходящих за рамки революционной борьбы с реакцией и осуществления программы-минимум? Не пойдет ли вперед пролетариат, ни минуты не передохнув на станции „Свобода", прямо к станции „Социализм"?

Невозможного тут ничего нет. И сперва в „Искре", теперь в „Начале" на этот вопрос был дан некоторыми товарищами довольно категорический утвердительный ответ.

И вот поднялся переполох! Обрадовались прежде всего путанники из партии соц.-рев. Им показалось, что некоторые наши товарищи чуть-чуть что не становятся на их точку зрения, они усмотрели было изменение позиции русской с.-д. партии по коренному вопросу и роковое разногласие в среде социал-демократов. Весь этот шум — пустая болтовня. Смысл строгого разграничения общенародной буржуазной революции и пролетарской социальной — остается в силе; дело идет лишь о возможном ускорении темпа событий, а, как известно, определение темпа — это сказал еще Каутский — зависит в сильной мере от темперамента. Одним пресловутый „промежуток" кажется очень значительным, в глазах других он сокращается до минимума. Одни думают, что социальная революция в Европе, непременное условие единовременной социальной революции в России, будет чрезвычайно сложным длительным процессом, — другие, повидимому, представляют себе его как бурный катаклизм. О серьезном разногласии может кричать только русская буржуазная демократия, которая по примеру своих западных сестер и во сне видит разногласие социал-демократов. Идея возможности быстрого наступления социальной революции напугала демократов до ужаса. Они стали пресерьезно представлять нам векселя, якобы гарантирующие им продолжительный Galgenfrist (висельный срок). „Разве Маркс не писал, что сначала буржуазия должна добиться полноты власти, а уж потом придет ей капут, а вы не хотите нам дать хоть перед смертью полнотой власти натешиться" — плачутся демократы из „Нашей Жизни". Соц.-демократы не гарантируют ни власти, ни спокойствия за буржуазией, они всегда готовы итти так далеко, как будет возможно, и с такой быстротой, какая будет мыслима. Однако ни уменьшать в глазах рабочих трудностей предстоящей борьбы, ни выдавать временных союзников за их братьев по оружию соц.-демократия никогда не станет. Успокаивая свой страх, буржуазные публицисты отрицают решительно возможность социальной революции в России, в виду недостаточной капиталистической зрелости страны, слабой концентрированности капиталов. Но никто и не мечтает о немедленной организации всего производства на чисто социалистических началах. Дело может итти лишь о том, чтобы „обезглавить" капитализм, обобществив те отрасли производства, которые уже более или менее созрели для этого.

Таким образом создан будет громадный экономический центр, который будет могуче регулировать экономическую жизнь страны, способствуя тому, что отдельные еще не социализированные элементы производства станут

быстро подыматься по культурной лестнице к полному и законченному социалистическому строю, шагая разом через несколько ступеней.

Само собою разумеется, что необходимой предпосылкой для таких успехов пролетарской революции является сплоченность, организованность и сознательность всего русского пролетариата. Но и этого мало: социальная революция в России возможна лишь в связи с европейской социальной революцией. Многое однако заставляет думать, что она может притти скорее и неожиданнее, чем предполагают. Во всяком случае ни один соц.-дем. не станет давать зарока на какой бы то ни было срок. Буржуазная политическая и пролетарская социальная революции могут оказаться совпадающими по времени, я разумею последние звенья первой и первые второй; не в том выразится истинное, требуемое соц.-дем. строгое различение буржуазной и социальной революций, что рабочие, закончив первую, назначат себе приличный стаж перед второю, а в чистоте социал-демократической организации пролетариата, в ее безусловной независимости. Различие между обеими революциями не во времени, а в той роли, которую будут играть в той и другой различные классы. Пусть социальная революция тесно примыкает к политической — все же огромное большинство теперешних союзников рабочего класса станет его противниками.

А. Луначарский.

Русская печать.

Я не советовал бы „Руси" верить „экспертам" на социал-демократию из „Нашей Жизни". Доверившись опытности этих господ, считающих себя как бы нашими соседями, „Русь" печатает в № 31 следующее:

В статье г. Троцкого доказывается, что „непрерывная революция становится для пролетариата законом классового самосохранения". Это — теория меньшевиков, противополагаемая „большевикам", стоящим за эволюцию.

Это развязное сообщение, разумеется, совершенный вздор. Тов. Троцкий говорил, что пролетарская революция может, не останавливаясь на первом этапе, продолжить свой путь, тесня эксплоататоров, а Ленин указывал на то, что политическая революция есть лишь первый шаг. Публицисту из „Нашей Жизни" захотелось увидеть тут противоречие, но он же говорит, что, сделав первый шаг, мы остановимся, или хотя бы приостановимся, и он же говорит, что, в виду предстоящего нам непрерывного марша, мы вовсе не должны делать первого шага. Все недоразумение возникло, во-первых, от ужаса „Нашей Жизни" перед самым именем социальной революции, во-вторых, от ее желания отыскать какое-нибудь острое и пикантное разногласие между соц.-дем. и, в-третьих, от образного выражения тов. Троцкого: „одним ударом". В № 10 „Начала" тов. Троцкий совершенно недвусмысленно раз'яснил свою мысль.

Полная победа революции означает победу пролетариата, — пишет тов. Троцкий.

Эта последняя, в свою очередь, означает дальнейшую непрерывность революции. Пролетариат осуществляет основные задачи демократии, — и логика его непосредственной борьбы за упрочение политического господства ставит перед ним в известный момент чисто-социалистические проблемы. Между минимальной и максимальной программой устанавливается революционная непрерывность. Это не один „удар", это не день и не месяц, это целая историческая эпоха. Было бы нелепостью заранее учитывать ее продолжительность.

В уже цитированной нами заметке „Русь" в несколько туманной форме противопоставляет друг другу социал.-демокр. и умеренно-революционную тактики:

Непрерывно и постоянно кипеть в котле великих событий никакая страна, никакой народ не может. Нужны осуществимые цели для революционного действия и затем планомерная эволюция в определенном направлении. Социал-демократия упрекает демократическую интеллигенцию за промахи ее тактики. Но в настоящую острую пору освободительного движения большой вопрос, чья тактика в состоянии повредить движению: тактика „предметной" революции, имеющей в виду определенную цель, или „непрерывное", „в интересах самосохранения" революционное действие, которое в некотором роде может стать искусством для искусства? Нужна решимость для революции, но нужна решимость и после нее. Есть ли эта „потусторонняя" решимость у фракции „Начала"?

Все это немножко темно. „Руси" хотелось бы, чтобы революция поставила себе „предметную цель", а интересный и желанный „предмет" есть, разумеется, буржуазный „правовой строй". А потом „эволюция", нечто вроде мирной полусоциалистической бернштейниады. „Нужна решимость для революции, но нужна решимость и после нее". Да, нужна: после политической освободительной революции нужна решимость как можно скорее и полнее совершить революцию социальную, и эта „потусторонняя" решимость имеется, конечно, у „фракции «Начала»", как имеется она у всей Российской Социал-Демократической Рабочей Партии!

* * „Революционная" „Наша Жизнь" боится революции, но делает вид, будто совсем не она, — нет, боится „буржуазия". И вот этой-то трусливой буржуазии храбрый революционер Р. Б. старается об'яснить в № 344, что революция совсем не страшна.

Как началась русская революция? Торжественным ходом мирных рабочих и их жен и детей к „батюшке-царю" с в е п о д д а н н е й ш и м п р о ш е н и е м. — Как продолжалась русская революция в октябрьские дни? — Простым прекращением работ, тихим возвращением в собственный угол, молчанием и голодовкой. Это — революция! — А какова контр-революция? — Вспомните Киев, Одессу, Томск и десятки или с о т н и тех несчастных городов и местечек, где революция слаба, а контр-революция сильна!

В этом, конечно, много правды. Но тайный страх г. Р. Б. заставляет его ради успокоения буржуазии, а в том числе и себя самого, продолжать в таком духе:

Революционеры, конечно, выражаются очень „сильно", и устно и письменно. Призывы к „вооруженному восстанию", „бесконечной революции", „захвату власти", „захвату земли" встречаются часто в революционных изданиях, но попытки к осуществлению этих призывов делаются только там, где революционной организации нет или она в самом младенческом состоянии. Чем сильнее революционная организация, тем менее она склонна к легкомысленным авантюрам.

Р. Б. хочется уверить себя, что все это так только, „кривые словца" и что чем сильнее будет организация революционного пролетариата, тем дальше будет она от „захвата власти". Мудрец, вроде мудрецов из „Нашей Жизни", Луи Блан постоянно повторял своим друзьям рабочим: „главная мудрость рабочего революционера — не слушать буржуазию". Но мы не склонны быть столь мудрыми дипломатами, напротив, мы можем поручиться, что революционный пролетариат не даст ни минуты

передышки буржуазии, его натиск не ослабеет ни от каких реформ, ни от каких мер, возможных в недрах ненавистного ему капиталистического строя, его революция не будет, конечно, „бесконечной", как безграмотно выражается г. Р. Б., но она будет непрерывной, концом же ее, несомненно, будет захват власти, диктатура пролетариата. Демократическая республика будет лишь этапом на этом пути.

* * * Г. Н—ов в „Новом Времени" констатирует опасность положения:

Пролетариат вооружается.

Кто бывал за последнее время на рабочих митингах, слышал постоянно раздающийся призыв к оружию и наблюдал, с каким энтузиазмом рабочая масса воспринимает идею вооруженного восстания, тот может составить себе ясное представление о том, какая это грозная, организованная сила, готовая двинуться по первому сигналу своих вожаков.

На энергию правительства г. Н—ов не надеется вовсе:

Наше правительство, с своей стороны, обнаруживая полную растерянность и ничем не оправдываемую медленность в осуществлении необходимейших реформ, прямо ведет страну к революции.

Г. Н—ов призывает общество к самозащите. С этой целью он рекомендует:

дружины из образованных и энергичных людей, способных в открытом, честном словесном турнире с противником внести просветление и идею права в темные массы, — нужнее всего России в настоящий критический момент.

Г. Н—ов повествует даже о каких-то мнимых успехах дружин партии правового порядка, о каком-то заседании, которое началось враждебно к ним и кончилось их триумфом. Об этом триумфе их я и не слыхал. Знаю о другом „триумфе", именно: из собрания городских служащих, начавшегося, действительно, отказом слушать политические речи, был выгнан с криками: „вон провокатора!" гр. Бобрищев-Пушкин, один из атаманов нововременских дружин. Подобные факты, вероятно, не редки, потому что г. Н—ов уже бормочет что-то насчет спаивания соц.-дем. всякого рода хулиганов, которые будто бы и препятствуют дружинникам растолковать рабочим, что их истинные друзья сидят в редакции „Нового Времени".

* * * Гр. Витте вывел из терпения даже своих французских буржуазных друзей. Ультра-буржуазное „Figaro" пишет:

Но существует ли в России какое-нибудь правительство? Вот вопрос, который в праве задать себе правительство цивилизованных стран, когда оказывается, что всякое почтовое и телеграфное сообщение со всей Российской империей прервано.

Прошел целый месяц, а дух манифеста (17 октября) ни в чем еще не осуществился. В течение целого месяца граф Витте, который, нам казалось, так хорошо начал, не получил или вернее не взял ни одного императорского декрета, который заключал бы в себе хотя бы одну из столь громко возвещенных гарантий.

* * * Биржевая паника и тщетные попытки Государственного банка искусственно поднять цену бумаг путем участия в биржевой игре вызывают негодование газеты „Слово":

Государственный банк, — пишет эта газета, — держит более 25 проц. своего разменного фонда, обеспечивающего внутренний выпуск кредитных билетов, за границей в разных банках на текущем счету. Банки эти употребляют средства Государственного банка на репортные операции в целях поддержки курса русских фондов, т. е. покупают наши бумаги с обязательством продавца снова их взять по определенной цене в известный срок. При падении (особенно резком) курсов вполне возможно разорение этих продавцов, разорение и банков, имеющих средства Государственного банка на своем счету, да и вообще возможны такие комбинации, при которых фонд Государственного банка начнет исчезать: биржевая игра — опасная игра, особенно когда ведет ее неумный игрок.

Между тем разменный фонд, обеспечивающий кредитные билеты и правильное золотое обращение, нужен вовсе не для поддержки курса старых государственных займов. Если перевод за границу русских денег все более и более будет возрастать (а это неизбежно при революции), разменный фонд уйдет в обращение вместо кредитных билетов. Последует сильное

По поводу.

II.

Мне присланы разными лицами несколько писем, — все они написаны в истерическом, воющем тоне, со страниц их брызжет темный, жуткий страх. Ясно чувствуешь — те, кто писал, переживают тяжелые дни и часы, видишь, что много мучительно-острых мыслей режет их сердце, пугает их сон.

— „... Что случилось с этим добрым русским народом, почему он вдруг стал кровожадным зверем?" — спрашивает дама, приславшая письмо на дорогой, пропитанной духами бумаге.

— „Забыт Христос и его учение, поругана проповедь любви, нет уважения к человеку... — мрачно сообщает „дворянин Ф." из Сум. И осведомляется: — Вы довольны?"

— „Где же плоды проповеди любви к ближнему, где влияние школы и церкви? — спрашивает Х. Бровцын из Тамбова. — Одни ругаются и грозят смертью, другие только жалуются и вопят, все взволнованы, всем тяжело и больно, всем жутко жить в эти великие трагические дни".

Я не могу отвечать каждому порознь и отвечаю всем сразу.

Наступили дни возмездия, господа, дни расплаты за ваше преступное невнимание к жизни народа. Все, что вы чувствуете, все, что вас мучает, — вы заслужили. И я могу только одно сказать вам, одного пожелать, — чтобы еще глубже, еще с большей силой вы впитали, поняли, пережили весь ужас этой жизни, созданной вами. Пусть сердца ваши дышат страхом, пусть кошмары давят ваш сон, пусть все безумное и жестокое, что творится в нашей стране, жжет вас, как огонь, — вы стоите этого. Это или погубит вас, или — быть может — очистит от грязи и пошлости все честное и здоровое, что осталось в душе вашей, которую вы так мало берегли, наполняя ее жадностью, властолюбием, ложью и всяческой скверной.

Сударыня! Вы хотите знать, что случилось с народом? У него лопнуло терпение. Он долго молчал, долго неподвижно подчинялся насилию, он терпеливо держал всю вашу жизнь на своей спине раба, и вот — больше не может! Он сбросил еще далеко не всю тяжесть, насильно возложенную на него, — вы рано испугались, сударыня!

И почему бы — давайте говорить откровенно — почему не быть ему зверем? Что сделали вы для того, чтобы он не был таким? Вы чему-нибудь разумному научили его, что-нибудь доброе посеяли в душе его?

Вы всю жизнь только брали его труд, его последний кусок хлеба, брали легко и просто, не понимая, что вы берете; вы жили, не спрашивая себя — чем, чьею силой

уменьшение количества денежных знаков в стране, ибо они будут выменены на золото, а золото увезено за границу. Наступит общий денежный кризис. Дисконтный процент возрастет в самой сильной степени, что окончательно убьет промышленность и торговлю. Останется два выхода: или приостановить размен, выпуская, сколько потребуется, кредитных билетов для надобностей торговли и промышленности, или обеспечить приток капиталов из-за границы обратно в Россию. Во всяком случае, серьезные меры надо предпринять раньше, чем исчезнет разменный фонд, ибо, если его сохранить, остановив размен, — с приведением в порядок наших дел возможно восстановление золотого обращения, иначе мы опять на десятки лет очутимся при неразменном бумажном обращении.

Когда кризис угрожает карману наших „имущих“, они становятся очень радикальны в критике правительственных мер. Но вот насчет положительных мероприятий дело у них идет туго. Казалось бы ясно: нынешнее правительство, в качестве того же самодержавия, слегка разбавленного медовыми речами, не вызывает доверия в своих кредиторах. Неправность фирмы „Российское государство“ гарантируется платежеспособностью общества, но когда скверное управление делает это общество неплатежеспособным, тогда остается выбирать: либо банкротство, либо устранение правительства, приведшего к разорению. „Слово“ тоже не прочь устранить... правительство Витте с тем, чтобы вернуться к „твердой“ власти (на почве 17 октября, конечно; теперь все сидят на этой „почве“). Но при этом „Слово“ благоразумно забывает, что банкротство государственного хозяйства России создано всецело старым порядком, и если финансовые фокусы оказались бессильными спасти страну от разорения, то не благодаря „радикализму“ Витте, а благодаря отсутствию радикальных преобразований. Пережитки самодержавной России потерпели крушение в роли „управителей“, ergo: судьбы страны должны быть отданы в руки ее хозяина, — а наши финансисты — распущены, за ненадобностью.

Вопросы дня.

Тульские помещики и петербургские фабриканты.

Обычная манера реакционеров всех стран и времен — говорить от лица народа, клясться его именем. Прежде это было чрезвычайно легко и не вызывало никаких затруднений. „Народ безмолствовал“, значит любой хулиган и черносотенник, в особенности из „благородного сословия“, имел широкую возможность лгать и клеветать на всю страну от имени народа, не опасаясь, что ему бросят в физиономию соответствующий эпитет. Теперь дело обстоит не так просто: народ не только не безмолствует, но, наоборот, заставляет смолкнуть лжецов и клеветников.

Но старая привычка берет свое, и то один, то другой черносотенник выползает из своей дыры и бормочет разные непристойности от имени народа. При этом, разумеется, происходит соответствующее разделение сфер компетенции, а именно, помещики, эксплоатирующие и истязающие своих крестьян, говорят от имени русской деревни, в то время как фабриканты и заводчики, специализирующиеся на высасывании соков из своих рабочих, говорят от имени рабочего класса.

24 ноября ездили в Царское Село депутаты от тульского губернского земства: граф Бобринский, князь Урусов и еще 4 тульских помещика без титулов. От имени Тульской губернии они заявили, что „крестьяне тульские сознают, что помощи они могут ждать не от злых или сбитых с толку людей, которые своими лживыми посулами пытались отторгнуть их от нашего общего отца и государя; помощи наше крестьянство ждет от царя и через царя“. Радуясь за крестьян, что с них сложили давно уже выплаченные ими выкупные платежи, тульские

вы живы. Вы дразнили голодного и нищего богатством ваших нарядов, когда жили на даче, около мужиков, вы смотрели на них, как на людей низшей расы. Они все это понимали. Они довольно чуткие люди и не очень уж злые, но вот вы разозлили их, наконец. Это ведь очень просто: пируя на глазах нищих, нельзя ожидать от них благодарности; ваше пение, ваша музыка не могли облагородить голодного, ваше снисходительно-брезгливое отношение к мужику не могло воспитать в душе его уважения к вам. Что вы сделали для него? Вы позаботились о том, чтобы он был мягче сердцем? Вы ожесточали его. Вы хотели, чтоб он был умнее? Вы не думали об этом. Мужик был для вас рабочее животное, иногда вы забавлялись им как дикарем, вы никогда не смотрели на него как на человека, — что же удивительного, что он зверь для вас?

Сударыня! В вашем вопросе не только ваше незнание жизни, в нем есть и лицемерие грешника, который уже чувствует, что согрешил, но еще не хочет искренно покаяться.

Вы знали, вы не могли не видеть, как живет мужик. Человек, которого бьют, рано или поздно даст сдачи; человек, которого не жалеют, — не может жалеть, — это ясно. Хуже, — это справедливо. Поймите меня — ужас не в том, что бьют, а в том, что не могут не бить, не в том ужас, что не жалеют, а в том, что не могут жалеть.

Как можете вы искать жалости в сердце, где вами посеяна месть?

Сударыня! В Киеве добрый русский народ выкинул из окон дома Бродского вместе с мебелью гувернантку и бережно сохранил канарейку в клетке. Подумайте над этим — маленькая желтая птица вызвала что-то вроде сострадания к себе, а человек был выкинут из окна. Сострадание, видимо, есть, но человек, должно быть, не заслужил его — вот где ужас и трагедия. Сударыня! Уверены ли вы в своем праве требовать, чтобы с вами обращались как с человеком, если вы сами всю жизнь относились к человеку без жалости, без сострадания, не признавая в нем равного себе?

Вы пишете письма, вы грамотны; вероятно, вы читали книги, изображающие жизнь мужика? Чего вы хотите от него для себя, если, зная, как он живет, вы не могли изменить его жизнь к лучшему? И вот, он изменил вашу жизнь к худшему, заставив вас дрожащей от страха рукой писать полные отчаяния письма к человеку, который — вы бы должны это знать — не захочет рассеять ваш страх, не захочет утешать вас, нет!

Возмездие естественно. Мы живем в стране, где людей до сего дня секут, хлещут нагайками, забивают палками до смерти, где ломают ребра, бьют по лицу ради забавы, где нет предела насилиям над людьми, где формы мучений разнообразны до отвращения, до безумного стыда.

ВТОРНИК, 29 НОЯБРЯ (12 декабря) 1905 г.

№ 24

ГОД ПЕРВЫЙ. С.-ПЕТЕРБУРГ.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Новая Жизнь

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

На-днях выходит из печати новая книга

„Из истории студенческих волнений".

Чистый доход с издания поступает в стачечный фонд.

Студентам и учащимся скидка. Обращаться от 12—2 ч.: 1) Вас. Остр., 14 л., д. 45, кв. 30. 2) 5-я рота, д. 28, кв. 12.

Склад издания: Т-во „Общественная Польза", Б. Под'яческая, 39.

Число экземпляров ограничено.

Комиссия о безработных Выборгского района об'являет:

I) В виду недостатка средств, пособия выдаются с 27 ноября на следующих основаниях:

а) Холостым выдавать чековый билет на обед в 15 коп. и деньгами 10 к., всего в день 25 к. каждому.

Примечание 1-е. На первое время чековый билет на обед выдается в 10 коп. и деньгами 15 коп.

Примечание 2-е. Обеды получаются в выборгской народной столовой (Нобель).

б) Мужу и жене бездетным чековые билеты на обед по 15 коп. и деньгами по 10 коп., всего обоим 50 коп. в день.

в) Мужу, жене и одному ребенку — мужу с женой по 25 коп., ребенку — 15 к., всего 65 к. в день.

г) Мужу, жене и двоим детям — мужу с женой по 25 коп., детям по 10 к., всего 70 коп. в день и т. д., прибавляя на каждого ребенка по 10 коп.

II) Для определения степени нужды обращающихся за пособиями рабочих в помощь депутатам по заводам и фабрикам должны быть образованы комиссии по одному человеку с каждой мастерской, на заседания которых районная комиссия имеет право делегировать своих членов.

III) Деньги и чеки на обеды выдаются сроком на два дня.

В состав районной комиссии входят 4 члена Исп. Ком. при С. Р. Д., 4 члена Р. С.-Д. Р. П. (2 от большинства и 2 от меньшинства) и 2 члена от партии с.-революционеров.

Денежные пособия и чеки на обеды выдаются на Оренбургской ул. № 27, в помещении бюро профессион. союза волокнистых веществ.

От Исполнительного Комитета Спб. отделения всероссийского телеграфного союза.

Временно управляющий министерством внутренних дел г. Дурново заявляет, что образование союза почтово-телеграфных работников не может быть и не будет разрешено, и что после правительственного раз'яснения все примкнувшие к союзу лица являются „изменниками" и „мятежниками". На это Исполнительный Комитет Спб. отделения всероссийского почтово-телеграфного союза отвечает: что союз существует и будет существовать, и что разрешения временно управляющего министерством внутренних дел не требуется, так как союз образовался явочным порядком, на основании манифеста 17 октября. Поэтому „изменниками" и „мятежниками" являются не почтово-телеграфные работники, а г. Дурново, явно нарушающий манифест. На этом основании почтово-телеграфные работники с таким же правом бросают эти оскорбительные слова обратно в лицо г. Дурново.

Исполнительный Комитет Спб. отделения всероссийского телеграфного союза.

С.-Петербург.

29 ноября 1905 г.

Реакционные покушения.

В последние дни правительство предприняло целый ряд мер, которые не могут уже оставлять ни в ком сомнения, какова цена бумажным обещаниям „свобод". Сперва мы читали в правительственных сообщениях и пресмыкающихся газетах, что следует повременить, не выражать нетерпения, ибо реформы делаются не вдруг, и пока-что надо жить под старыми законами, которые будут применяться „в духе манифеста 17 октября". „Дух" этот достаточно обнаружил свое скверное происхождение. Хулиганство и черносотенство властей всех рангов, подавлявших попрежнему политическую свободу граждан; провокация темных элементов народа с целью разжечь национальную, религиозную и политическую вражду между отдельными его частями; самое грубое, порой зверское нарушение неприкосновенности личности и жилища граждан; наконец, прямой грабеж и убийство — вот чем ознаменовалось время после манифеста 17 октября. А между тем правительство продолжало жаловаться, что отсутствие „спокойствия" мешает его работе по части созидания гражданской „свободы", и, обращаясь

СРЕДА, 30 НОЯБРЯ
(13 декабря) 1905 г.
№ 25
ГОД ПЕРВЫЙ.
НОВАЯ ЖИЗНЬ
С.-ПЕТЕРБУРГ.
Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

С.-Петербург.

30 ноября 1905 г. [1]).

Профессиональное движение и социализм.

Относительная свобода, которую отвоевал революционный пролетариат у самодержавного порядка, выдвинула на первый план вопрос об организации рабочих масс для дальнейшей борьбы — борьбы экономической и политической. Два типа организации, соответствующие этим двум типам борьбы пролетариата, — организации профессиональные и политические — возникают сами собою, как продукт назревшей потребности, и перед сознательными социал-демократами, организаторами и руководителями рабочего движения, встает вопрос об отношении профессиональных союзов к социал-демократии. Правильное решение этого вопроса весьма важно, а между тем, в рядах самой социал-демократии он решается далеко неодинаково. В то время, как на одном крыле пропагандируется идея основания *партийных* профессиональных союзов, на другом крыле ютятся сторонники чисто профессионального движения и выдвигается формула, что „партией рабочего класса может быть только сам пролетариат" („Рабочий Голос" № 1).

Пролетариат играет двойственную роль в современном обществе. Являясь, по существу, носителем будущего общества, социалистического строя, он выходит из недр общества буржуазного и в недрах этого общества живет, борется и пробивает себе трудный путь к социализму. Шаг за шагом отвоевывая одну позицию за другой, сплачиваясь для борьбы за ближайшие, первейшие нужды, подвигается пролетариат на этом пути, превращаясь из разрозненной пестрой массы рабочих в крупнейший класс, сознающий свои политические интересы и могучий этой классовой сознательностью. Однако, отдельные группы пролетариата лишь постепенно вовлекаются в этот процесс развития, и в то время, как передовые рабочие нашего времени являются вполне сознательными поборниками социализма, вполне сознательными членами социал-демократической партии, громадная масса лишь в большей или меньшей степени затронута социалистическими идеями, а многие и многие рабочие еще совершенно чужды и социализму и всякой „политике".

Вот это двойственное положение пролетириата в буржуазном обществе, толкающее его верхи в политическую партию, а низы в профессиональные союзы, ограничивающиеся защитой экономических интересов, — плохо укладывается в голове тех друзей рабочего класса, которые, увлекаясь успехом массового движения, готовы пожертвовать ради него правильной теорией. Неспособные усвоить диалектику научного социализма, они неспособны разобраться и в диалектике общественного развития. Противопоставляя социал-демократическую партию рабочей массе или, употребляя выражение газеты „Рабочий Голос", противопоставляя *идейную* работу социал-демократии *классовой борьбе* пролетариата, эти „социал-демократы" на деле стремятся принизить сознательную социал-демократическую деятельность до уровня стихийного движения массы, растворить ее в этом движении. И плодом этого увлечения стихией является пропаганда чисто-профессиональных организаций, обособление отдельных групп рабочих в замкнутых союзах и построение на этих обособленных ячейках рабочей партии, какой-то арифметической суммы профессиональных союзов, той партии, которая, по мнению творцов этой утопии, будет „самим пролетариатом".

Чисто-профессиональные, несоциал-демократические, союзы являются первыми ступенями рабочего движения, зачаточными формами его организации. Они начинают возникать, как только широкие массы пролетариата приходят к сознанию своих ближайших экономических интересов, к сознанию необходимости дружной борьбы против эксплоатации. Профессиональные союзы являются естественными формами так называемого рабочего движения. Однако, движение, вращающееся вокруг интересов определенной профессии, по необходимости является *групповым* движением. Об'единить в *класс* пролетариат никакая профессиональная формула не может. Интересы, об'единяющие весь класс пролетариата, его политические интересы, современная *практика* рабочего движения нам не показывает. Они могут быть познаны только посредством *теории*. И такой теорией, освещающей интерес и задачи рабочего класса, является *научный социализм*, представляющий, конечно, в свою очередь продукт развития современного общества, в частности, движения рабочего класса. Таким образом, и социализм и рабочее движение — плод единого процесса общественного развития, и соединение их, как указывает Эрфуртская программа, представляет то, что мы называем социал-демократией.

Однако, это соединение рабочего движения с социализмом, или, просто говоря, проникновение рабочего движе-

[1]) Начиная с этого № до последнего включительно, дата передовой в *настоящем* издании исправлена.

ЧЕТВЕРГ, 1 ДЕКАБРЯ
(14 декабря) 1905 г.

№ 26

ГОД ПЕРВЫЙ. С.-ПЕТЕРБУРГ.

Новая Жизнь

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Бывшие служащие помещика Булгака, несчастные жертвы помещичьего произвола,

ОБ'ЯВЛЯЮТ БОЙКОТ

владельцу имений — Чегринка, Новый Быхов и Бересневка, Могилевской и Минской губерний,

Эммануилу Иосифовичу Булгаку

за систематическое удаление всех служащих раньше условленного срока (прибегая к обману, нагайкам и публикациям в волостных правлениях) для удержания заработанных ими денег.

Потерпевшие умоляют Совет Рабочих Депутатов заставить черносотенного помещика-хищника возвратить их кровавые деньги.

Покорнейше просим другие газеты перепечатать это об'явление.

В воскресенье

в Народном Доме Нобеля,

Нюстадтская улица, 12,

будет собрание рабочих живописно-малярного ремесла. Собрание начнется ровно в час дня и продолжится до 3 час.

Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П. в заседании 30 ноября 1905 года постановил:

1) Немедленно произвести выборы представителей фракции „большинства" на предстоящий с'езд как от Комитета, так и от всех работников местной организации.

2) Выборы от всех членов организации произвести, согласно предложению Ц. К., по расчету 1 представителя от каждых 300 работников местной периферии.

3) Выборы производить в районных и подрайонных собраниях (соответственно местным условиям) по общему списку кандидатов, при чем всем членам организации предоставляется право вносить в этот список желательных кандидатов.

Комитет предлагает всем членам организации принять самое деятельное участие в выборах, чтобы содействовать возможно полному представительству местных работников на предстоящем с'езде.

Пет. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

30 ноября 1905 года.

Комитет Императ. Вольно-Экономического Общества и общественных организаций для помощи голодающим, надеясь на помощь общества в страшном бедствии неурожая, постигшем 23 губернии с 20 миллионами крестьян, открыл, кроме своей главной кассы на Забалканском пр., д. 33, свои филиальные отделения, принимающие с благодарностью пожертвования на всякую сумму, в следующих местностях города:

1) у секретаря комитета, Б. Э. Кетрица (Преображенская ул., д. 42, кв. 31) до 11 час. утра;

2) у бухгалтера комитета А. М. Безбородова (Калашниковская наб., 30);

3) у Ал. Дм. Рухлова (Невский пр., 27, в Росс. обществе) 10—4 часов;

4) у Ник. Ив. Лутугина (Галерная ул., 32, служба сборов Балт. ж. д.) 10—4 час.;

5) в гимназии М. Н. Стоюниной (Кабинетская, 20) в будни 10—2 час.;

6) в книжн. магазине Мелье (Цинзерлинга) Невский пр., д. 20, Голландской церкви;

7) в Геологическом комитете (Вас. остр., 4 линия, д. 15) у Н. Ф. Погребова, от 2—4 час.

С.-Петербург.

1 декабря 1905 г.

Капитализм и социализм.

Буржуазия боится за свое будущее. Я говорю прежде всего о русской буржуазии — она с таким удовольствием готовилась взять в свои руки кормило правления. К сожалению, она должна констатировать, что в борьбе за свободу на первый план, как самая организованная и могучая сила, выступил пролетариат. Страх ее перед пролетариатом еще более усилился, когда она узнала, что соц.-дем. партия решила поддерживать требования крестьянского населения относительно передачи земель народу. Ужас буржуазии достиг своего апогея, когда среди с.-д. возникла и окрепла мысль об организации временного правительства из элементов крайней революционной демократии, т. е. представителей пролетариата и крестьянства. Буржуазия прекрасно сознает, что деятельность этого временного правительства будет направлена не только против реакции, но и против буржуазии. Временное правительство, состоящее из представителей пролетариата и крестьянства, по меньшей мере нейтрального в борьбе городских рабочих с промышленным капиталом, немедленно примет целый ряд мер к безотлагательному осуществлению соц.-дем. программы-минимум. Уже это само по себе не может быть приятно для господ капи-

талистов, но этого мало. Ряд мер для облегчения положения городской и сельской бедноты, широкая агитация, широкая пропаганда идеи демократической республики и непререкаемого народного суверенитета, пущенная в ход со всеми гигантскими ресурсами, предоставляемыми современным государством, — несомненно, обеспечат политическое господство низов населения над верхами также и в грядущем Учредительном Собрании.

Буржуазия привыкла рассматривать государственную машину как свой служебный аппарат, государство в руках революционной демократии, государство в руках большинства нации, идейно руководимого злейшим врагом буржуазии — соц.-дем., — это нечто совершенно новое и страшное.

Пугаясь открывающихся с этого пункта перспектив, буржуазия старается доказать, что соц.-дем., ставя перед собою подобные задачи, уклоняется от собственных своих принципов. Цитируя положение Маркса, что прежде, чем пролетариат сможет повести серьезную атаку для завоевания государственной власти, эта власть должна оказаться в руках буржуазии, русская буржуазная пресса старается уверить и себя и других, будто это одно из существеннейших и непреложных краеугольных положений научного социализма. На деле же это положение является скорее индуктивным выводом, чем принципом, претендующим на абсолютность. Сделаем, например, такое предположение: в Западной Европе разражается социальная революция, в России же самодержавие сохраняет еще власть в своих руках: неужели при этих условиях торжествующий интернациональный пролетариат ограничился бы тем, что отдал бы судьбу России в руки крупной буржуазии? Это явная нелепость.

Когда французский пролетариат в 48 году выставил против трехцветной республики идею республики красной, Маркс указал те причины, которые делали осуществление этого идеала для того времени невозможным: 1) французский пролетариат неясно различал еще свою классовую обособленность и склонен был заключать противоестественные союзы для достижения таких целей, достигнуть которые он должен исключительно своими силами; 2) Франция являлась в то время передовой страной; остальная континентальная Европа тянулась за нею в хвосте политически и экономически: социальная же революция мыслима лишь как интернациональная. Для России положение совершенно другое, и пролетариат может рассчитывать теперь на настоящие и прочные успехи.

Но существует другое, действительно непреложное положение научного социализма: социализм осуществим только на почве, подготовленной капитализмом. Капитал разрушает маленькие одноклеточные хозяйственные организмы, он сплавляет их вместе и организует промышленные колоссы, он растит экономические силы человечества, делает возможным неслыханное развитие машинной техники и создает небывалое могущество человека над природой. Но с этими созданными капиталом волшебными силами, обеспечивающими за человечеством хозяйственное могущество в таких пределах, о каких прежде не смели и мечтать, представители капитала не в состоянии сладить. В руках капитала царственный скипетр экономической власти над природой не дарует счастья человечеству, но эта власть созрела и ждет того часа, когда ее возьмет в свои руки созданный капиталом могучий противник буржуазии, мессия-освободитель человеческого рода — пролетариат....

Но, кроме этого могучего врага, капитал создал себе и других врагов. Мелкие буржуа — владельцы мелких хозяйств, которые гибнут и лопаются под страшным прес

Барцелонская всеобщая стачка.

Вопрос о всеобщей стачке, с необычайной силой всплывший в последнее время, принадлежит к самым спорным в теоретическом смысле.

Ответить, что такое всеобщая забастовка, не так легко, тем более, что между частичной и всеобщей стачкой нельзя провести вполне ясной грани, как нельзя ее провести между экономической и политической стачкой.

Поэтому особенно ценным является знакомство с характером всеобщей стачки в Западной Европе. Мы остановим здесь внимание читателей на стачке в Барцелоне в феврале 1902 года, когда город остался без воды, света, хлеба и мяса, что случается редко.

Эта стачка представляет довольно типичный пример того, как протекают всеобщие стачки на Западе, и мы приведем ее описание со слов одного корреспондента, тем более, что оно не вошло в нашу книгу: „Формы рабочего движения".

„Телеграф уже вкратце сообщил вам, — писал этот анонимный корреспондент, — о тревожных событиях, происходивших в Барцелоне и соседних с ней городах. Ко времени получения настоящей корреспонденции движение, вероятно, будет подавлено, порядок восстановлен, и цветущая столица Каталонии войдет в обычную колею своей примерно трудовой жизни. Но душевное состояние, переживаемое в эти дни правительством, аристократией, буржуазией и рабочим классом, заставляет подробнее остановиться на явлениях, исключительных по своей грандиозности, отложив освещение их до другого раза.

„В «El Liberal», издающейся не только в Мадриде, но и в Барцелоне, Севилье и Бильбао, 20 февраля телефонируют: «В разных местах происходят схватки между стачечниками и войсками. Со всех сторон непрестанно слышатся выстрелы. Тревожные сообщения цензура задерживает. Наша редакция положительно блокирована». В «El Imparcial» читаю: «Из телефонной станции слышна перестрелка. Мы, можно сказать, среди разгара рево... (здесь звук прерывается). Последняя телеграмма вечернего «El Geraldo de Madrid»: «...Это — настоящая революция.. Ужасное зрелище»...

„По привычке испанского правительства свободное телеграфное и телефонное сообщение прервано между Барцелоной и Мадридом, что способствует распусканию преувеличенных слухов.

„Неудивительно, если в последние дни циркулировали и даже принимались на веру вести, будто самые большие магазины на бульваре Rambla и в улице San Fernando разграблены, будто некоторые фабрики разрушены и подожжены, будто командующий войсками округа, генерал Бархес, ранен.

„Весь сыр-бор загорелся из-за так называемых металлургических рабочих, часть которых, человек 400, месяца

сом капиталистической конкуренции, вопиют против капитала. Идеал их позади,—в тех временах, когда этот пресс еще не давил их, когда они мирно существовали в своих обособленных маленьких домиках, каждый за своим обособленным маленьким делом. Чувствуя, что единичными силами бороться с капиталом было бы смешно, они объединяются в союзы, они создают свои утопии, которые на первый взгляд как-будто смахивают на социализм: та же ненависть к крупной буржуазии и капиталу, те же лозунги равенства и братства всех обездоленных. Но на самом деле все эти утопии экономически глубоко реакционны. Представители гибнущих классов мечтают о сохранении мелкого индивидуального хозяйства. Им хотелось бы только обобществления кредита, организации рынка; словом, мер относительного коллективизма, для охраны их маленьких уголков, для приостановки экономического процесса, ведущего к торжеству крупной промышленности. Как в старину цеховое право воспрещало иметь батраков более известного количества, так и теперь органической частью реакционно-социалистических утопий является законодательное воспрещение наемного труда. Эти наивные Иисусы Навины хотят остановить солнце. Именно такова и аграрная программа социал-революционеров, родных братьев всяких прудонистов и радикал-социалистов.

Но, если бы им и удалось остановить „солнце“, мы социалисты, мы, представители промышленного пролетариата, должны были бы протестовать против этого искусственного тормоза на пути экономического развития сил человечества. Конечно, между социал-демократами и всякого рода радикал-социалистами не только возможны, но и естественны союзы для борьбы с политической реакцией и властными замашками жадного капитала, но и такие союзы, особенно частые и прочные во Франции, к сожалению, обыкновенно вредно отражаются на чистоте экономических идеалов пролетарской партии. Так свихнулся, например, Габриэль Девиль, один из ученых марксистов Франции, заявив, что так называемые гибридные хозяйства, т. е. такие, в которых хозяин, хотя бы то и наряду с наемниками, работает собственными руками,— вполне допустимы и при социалистическом строе, и что меры для защиты их против конкуренции крупного капитала не противоречат ортодоксальной социалистической программе.

Русская социал-демократия никогда не вступит на подобный путь. На ее знамени написано „социализм“, и она не подменит этого светлого идеала никакой тусклой мещанской утопией.

Капиталу предстоит в России сделать еще огромную работу. Россия еще и теперь нуждается в высшей мере в капиталистической выучке. При извест[illegible] условиях, которые мы неоднократно перечисляли, т[illegible] демократической республике, высшей степени сознательности и организованности пролетариата, при политической поддержке его со стороны крестьянства и наличности социальной революции в Западной Европе,—возможны, конечно, как мы уже писали, немедленные меры к обобществлению созревших уже для него отраслей промышленности. Но капиталу останется громадная область мелкого производства, где ему предстоит только еще подготовить почву для социализма.

„Так вот как! Значит, вы отдаете на жертву всем мукам процесса роста капитализма большую часть России? Вы отмахиваетесь от 100 миллионов ваших сограждан и ничего не хотите предпринять для них?“ — Ничуть не бывало: социал-демократия примет, конечно, все меры,

---

два тому назад вступила в стачку вследствие нежелания предпринимателей согласиться на девять часов работы, т. е. сбавить один час. Около 10.000 рабочих, занятых в Барцелоне той же отраслью промышленности, тщетно предлагали хозяевам уменьшить на час трудовой день. С тех пор брожение стало распространяться, и, наконец, в воскресенье 17 февраля в городе состоялось 44 митинга, на которых была принята резолюция о всеобщей забастовке.

„Одновременно выпущенная в огромном количестве экземпляров прокламация подлила масла в огонь. «Миновал, — между прочим, говорилось в ней, — карнавал, эта жалкая выставка роскоши и расточительности, которую наши эксплоататоры ежегодно устраивают, чтобы вдвойне оскорблять нищету, голод и холод, переносимые нами. Между тем как золото пригоршнями бросалось на конфетти, серпантин, костюмы, балы и рестораны, а шампанское лилось потоком, тысячи и тысячи тружеников нуждались в хлебе и крове... Все промыслы доведены до истощения, фабричное дело порабощено, жизнь стала невозможна для бедного рабочего... Наш долг — положить конец терпению, мольбам, добрым приемам; наша неотложная обязанность — предпринять энергичные и решительные действия, которые вознаградили бы титанические усилия механиков, вот уже десять недель бесплодно борющихся против жестокой буржуазии, ободряемой сознанием отсутствия солидарности между рабочими... Восстанем, товарищи, честный народ! Бросим работу все, от подметальщика до машиниста, от слуги до наборщика, — словом, все, кто трудится. Пусть никто не двинется с места, пусть прекратится все, и пусть ответом на отказ кровопийц будет молчание и всеобщий голод. Без пищи, питья, освещения, чистоты — наши враги сдадутся».

„С раннего утра 17 февраля усиленные выкрикивания названия одной из радикальных газет разбудили барцелонских обитателей. То был условленный сигнал, и стачечники стали высыпать на улицу, сходиться в центре и на окраинах. Без всяких колебаний та или другая кучка направлялась в известную сторону, несомненно, повинуясь заранее выработанному плану мобилизации. Шопотом что-то передавали рабочие друг другу, — вероятно, лозунг всеобщей забастовки. На площадях собрались многочисленные толпы, пылавшие гневом и негодованием.

„К девяти часам магазины торопливо стали запираться; те, которые медлили, поплатились дорогими стеклами; в других, упорно сопротивлявшихся, товары были изломаны и изорваны. Рабочие набросились на служанок, возвращавшихся с рынков, и отняли у них корзины с провизией, затем осадили бойню и, захватив несколько мясных туш, разодрали их на части и наделили своих женщин и детей. Только к полудню выехало несколько повозок с мясом под охраной жандармов.

„Некоторые фабрики начали было работу, но на них не хватило и половины рабочих. Те, которые явились, с чув-

сделает все от нее зависящее, чтобы поставить капитал в рамки гуманного, строго проводимого в жизнь законодательства; она сделает все от нее зависящее, чтобы облегчить мучительный переходный период, но она никогда не включит в свою программу ни одной меры, которая клонилась бы к приостановке или замедлению процесса. Против включения подобных мер в аграрную программу или в программу для защиты ремесленников всегда боролось левое ортодоксальное крыло социал-демократических партий всего мира. Никакие ламентации, никакие взрывы негодования со стороны прекраснодушных мечтателей или сладкоречивых демагогов не побудят нас затемнить истину и отказаться от трезвого взгляда на вещи.

Пропаганда и агитация могут, конечно, способствовать переходу сотен, может быть, тысяч мелких собственников на чистую социалистическую точку зрения, но доказать миллионным массам совершенную безнадежность мечтаний об укреплении мелкого хозяйства, разрушить создавшуюся на его почве индивидуалистическую психологию, экономически подготовить производство к переходу в руки всего общества может один только стихийный учитель—капитализм.

Капитал должен сыграть свою роль, прежде чем он сыграет ее до конца—немыслимо полное осуществление социализма. Но политического господства представителей капитала мы не должны допустить.

Такая комбинация, безусловно, мыслима и даже неизбежна, что бы ни говорили испуганные буржуа, с одной стороны, и лишенные научного понимания действительности, пылкие верхогляды—с другой.

А. Луначарский.

Русская печать.

*** В № 243 „Сына Отечества“ г. Рафаилов пытается полемизировать с товарищем Лениным. Некоторые места статьи Рафаилова могут навести читателей, даже соц.-революционеров, на весьма грустные размышления. Так, напр., г. Рафаилов пишет:

Ленин дальше говорит, что „мысль о возможности уравнительного землепользования при существовании капитала и товарного хозяйства есть заблуждение“. Но мы полагаем, что это заявление с его стороны просто описка. При современном несомненном господстве капитала и товарного хозяйства в огромной части России существует уравнительное землепользование. Конечно, местами принцип уравнительности терпит нарушения, но все-таки в общем он оказывается достаточно живуч.

Итак, в настоящее время „уравнительное землепользование“ в общем господствует, лишь терпя кое-какие исключения! Ну да, *такое* уравнительное землепользование возможно, конечно, и при капиталистическом строе, но неужели г. Рафаилов посмеет утверждать, что оно хоть на один золотник облегчает тяжесть нищеты, давящей крестьянские массы? Неужели это уравнительное землепользование может считаться хоть одним здраво мыслящим человеком за препятствие к капиталистическому расслоению крестьянства? Ссылаясь на современные деревенские порядки, ставя свое утопическое „уравнение“ на одну доску с обрывками фискально-общинных цепей, г. Рафаилов, сам того не замечая, сервирует свои уравнительные мечты под горьким соусом иронии.

Далее г. Рафаилов говорит:

Мы глубоко убеждены, что проведение принципа социализации земли нанесет очень серьезный удар массовой нищете. Оно даст трудовому крестьянству необходимую передышку, чтобы взяться за дальнейшее строительство своей судьбы.

ством страха переглядывались и, в конце концов, удалялись в одиночку, либо партиями. Выходили вагоны трамвая, но в них вскакивало по несколько суб'ектов, и после энергичного перешептывания с машинистом и кондуктором вагоны устремлялись обратно в парк; экипажи останавливались и отсылались домой. Эмиссары забастовщиков шныряли всюду: повидимому, все было предусмотрено, и даже в самые отдаленные уголки города доходили приказания, слепо исполнявшиеся. Группы женщин с красными и черными флагами в руках двигались по окраинным фабрикам и заводам, окруженные рабочими, и заставляли бросать работу.

„В продолжение нескольких часов сборища свободно распоряжались Барцелоной, не давая, однако, воли хищническим инстинктам некоторых подстрекателей. Наконец, показались отряды конных и пеших жандармов. Поднялась беготня, послышались вопли, выстрелы. Паника овладела мирным населением, запершимся в своих квартирах.

„В виду грозного характера беспорядков, губернатор передал власть командующему войсками округа. Силы, имевшиеся тут в его распоряжении, вскоре оказались недостаточными для города с 650-тысячным населением и с рабочим контингентом тысяч в 150; поэтому военный министр поспешно отправил туда гарнизон из Вильянуэва, Таррагоны, Лериды, Реуса, рискуя оставить эти города без защиты. Войска прежде всего заняли водопроводные бассейны, газовые и электрические заводы, а также стратегические пункты, из опасения помощи со стороны ближайших крестьян. Конная guardia civil после полудня местами поддерживала правильную перестрелку с забастовщиками, вооруженными револьверами и камнями, при чем было не мало раненых и несколько убитых. В Cruz Cubierta устроена была баррикада, с которой долго поддерживался огонь против отряда пехоты, и только в виду решения солдат взять приступом позицию защитники рассыпались. В курьерском поезде, встреченном градом камней, не осталось ни одного стекла; было несколько попыток устроить сход с рельсов поезда, идущего в Бадалону. На второй день вышел один вагон трамвая: из толпы был сделан выстрел в машиниста; находившиеся на платформах солдаты ответили залпом и ранили несколько человек. Нередко происходили между стачечниками и не приставшими к ним товарищами побоища, пускались в ход ножи и револьверы. Нет надобности перечислять многочисленные схватки, крупные насилия, театром которых была в последние дни и продолжает быть Барцелона. Как всегда бывает при подобных обстоятельствах, много убитых и раненых оказалось среди совершенно непричастных к беспорядкам; между потерпевшими попадаются старухи, а также малолетние дети, из любопытства высунувшиеся из окна.

„По словам очевидцев, тяжелую картину представляет теперь богатая столица Каталонии. Магазины, фабрики, мастерские, кафэ, театры закрыты; на тротуарах много

Мы также убеждены, что передача всех земель народу даст ему „передышку", мы тоже считаем эту передышку необходимой. Нам нравится это выражение г. Рафаилова: социализация ли, национализация ли или просто индивидуалистический черный передел,—все это дает лишь п е р е д ы ш к у, а дальше вновь вступят в силу законы капиталистического развития, которые через образование сельской буржуазии и сельского пролетариата приведут и деревню к социализму, не п е р е д ы ш к е уже, а к о н ц у капиталистического чистилища.

_ Корреспондент газеты „Русь" специально ездил к одному из буржуазных мудрецов и „победителей" Маркса — профессору Масарику в Праге. Само собой разумеется, проф. Масарик сказал г-ну Орловцу, корреспонденту „Руси", как раз то, что г-н Орловец хотел услышать от проф. Масарика. В первой части интервью Масарик обрушился на русское правительство:

Всякое правительство уступает народу свою власть только под влиянием очевидной необходимости и каждый раз отчаянно торгуется с народом. Когда я гляжу на события в России, я отчетливо вижу эту торговлю. Правительство дает народу копейку, народ требует рубля. Подымается беспорядок. Правительство дает вторую копейку и поддерживает беспорядок, чтобы свалить причину его на либералов и революционеров. Ваше правительство, видимо, хочет остановиться на трех копейках, но не больше, и старательно поддерживает хаотическое состояние страны.

Вторая часть, как и следовало ожидать, направлена против революционеров, при чем выдержан обычный для просвещенной буржуазии беспристрастный и даже как-будто дружественный тон!

Профессор прошелся по кабинету и, словно отвечая на свою внутреннюю мысль, задумчиво заговорил:

— Я знаком со многими революционерами и долго присматривался к ним, изучал их. Революционер — прежде всего человек идеи, следовательно теоретик. Он борется за свою идею смело, жертвует жизнью, отдает идее всего себя, но... он не может созидать. Революционер или гибнет или сталкивает правительство, а затем... становится втупик. Сбросить он может, но практически создать вместо сброшенного новое он не может. Правительство же есть орган прежде всего практический. Оно умеет управлять (чего не умеет революционер), и это-то уменье есть в его руках козырь. В вашей революции я не вижу созидательной работы. Революционер добился своего, и теперь вам необходима тяжелая серьезная созидательная работа, необходима Дума, которая начала бы созидать; а между тем я не вижу у вас кабинетной работы, вижу лишь революционную. Не имея точки опоры, и революционер не может остановить свой ход из боязни потерять приобретенное. Благодаря отсутствию созидателей, в стране возникает хаос, и реакция гордо говорит: — „Смотрите! Мы управляли, и все шло тихо, мирно, а пришли революционеры, и что же они дали стране, кроме хаоса?".

Но ведь революционеры еще далеко не у власти, как же они могли „дать" этот порядок. Немножко терпения, пр. Масарик!

Заключительный аккорд все тот же — на нем сходятся и Масарик, и „Русь", и „Новое Время".

Вам необходимо собрать возможно скорее Думу и начать созидать новый государственный строй.

Предполагается, конечно, Дума, избранная по плану и под надзором фальшиво-конституционного правительства Витте.

_ Недалеко от Масарика ушел радикал Клемансо, к которому „Русь" тоже отправила „человека". Те же надоевшие уже жалобы на двойную политику Витте. Положительная программа Клемансо — это программа наших Петрункевичей. О Петрункевиче, кстати, Клемансо выразился так: „чем он не министр?". Надежды Клемансо таковы: надо разрешить две задачи:

— 1) образование сильного правительства, которое обладало бы доверием народа и потому способно водворить порядок, и 2) вопрос аграрный.

разбитых и вывороченных фонарей, опрокинутых скамей для гуляющих. Под теплыми лучами южного солнца сверкают каски кавалеристов, треуголки жандармов, штыки пехотинцев. Толпы, — разношерстные, нервно оглядывающиеся, скрывая свое скудное оружие, — то принимают угрожающее положение, то разбегаются, преследуемые войсками. В довершение тягостного впечатления, ежеминутно видны носилки Красного Креста, скрывающие под своим покровом убитого или раненого. А немногие прохожие, осмелившиеся показаться на улице, боязливо озираются, на каждом перекрестке натыкаясь на штыки.

„Обыватели стараются запастись возможно большим количеством провизии и в особенности хлеба, которого вскоре, полагают, не хватит. В немногих лавках, охраняемых полицейскими, — их снабдили ружьями системы Ремингтон, — с'естные припасы страшно вздорожали. Хлебники, пользуясь паникой, тоже неимоверно повысили цену: так, хлебец, стоющий 10 сантимов (около 3 коп.), продается иногда по 5 реалов (около 40 коп.). Такой произвол усилил ярость народа, разнесшего несколько пекарень.

„Из дюжины слишком издающихся в Барцелоне газет с понедельника 17 февраля ни одна не выходила. В четверг издатели получили «распоряжение» ген. Вархеса немедленно возобновить издание: в противном случае они будут считаться прекратившимися до восстановления нормального положения и конституционных гарантий. Но выпуск газет пока немыслим, так как наборщики и печатники примкнули к общему движению и грозят не оставить камня на камне в типографии, которая возобновит работу.

„20 февраля состоялось совещание консулов, решивших сообщить своим правительствам о ненормальном состоянии Барцелоны. Возможно, что в порт придут иностранные суда для защиты жизни и имущества своих соотечественников...

„В виду угрожающей перспективы, многие семьи тайком оставили Барцелону, преимущественно морским путем. В последнем экстренном поезде все места были разобраны, но выехало только два пассажира, — так велико опасение показаться на улице".

Так обыкновенно протекают всеобщие стачки, особенно в Испании, где правительство в той же мере ретроградно, в какой жестоко. В других странах, особенно в Голландии, они не носят столь революционного характера, хотя инициаторами их, на-ряду с социалистами, являются и голландские анархисты.

В России всеобщие стачки, начавшиеся с 1903 года, были чисто политическими. Их необычайная удача высоко подняла значение этой формы пролетарской борьбы в глазах западно-европейской социал-демократии. Российский пролетариат показал пример всему миру.

В. Тотомианц.